
Б.Зеленский
Нимфа с Литейного
Эротическая фантастика

БОРИС ЗЕЛЕНСКИЙ

Нимфа с Литейного.

Своим знакомством с баронессой Татьяной Андреевной фон Гольдензак, урожденной Полынцевой, поручик Кыштымов был обязан весьма далекому от корысти обстоятельству находиться в полуприятельских отношениях с Николя Шустовским. Получив под Перемышлем свою долю свинца, Каштымов провалялся всю зиму сперва в прифронтовом госпитале, а затем в Питере, в клинике известного хирурга Т. Подлечив поручика, командование сочло необходимым предоставить ему неделю отпуска для восстановления боевого духа и, завершив нудную процедуру выписки, Каштымов, бледный и исхудавший, оказался на Невском, неподалеку от Пассажа. Он не спеша достал портсигар, закурил папиросу и похлопал перчаткой себя по ушам, ибо погода была промозглая — все-таки конец февраля. Поручик никуда не торопился, родители Каштымова благополучно отошли в мир иной еще до войны и переться в пыльную и пустую квартиру на Васильевском его не тянуло. За три года на австрийском фронте он растерял все петербуржские знакомства и теперь прикидывал, кто из приятелей по Горному институту может встретить его с распростертыми объятиями.

По проспекту, гудя клаксонами, высокомерно проносились авто акционерного общества «Руссобалт» и лихачи на «дутиках» преимущественно с господами и дамами в хороших шубах, но среди публики, праздно шляющейся по тротуарам, частенько попадались шинели, что напоминало — война в самом разгаре...

Каштымов вспомнил, что в кармане френча наличествует кругленькая сумма, с которой не стыдно появиться в какой-нибудь подходящей ресторации, ибо душа поручика требовала забвения и неги. Каштымов махнул рукой проезжающему мимо извозчику. Экипаж лихо тормознул, и из коляски выпрыгнул Николя Шустовский в офицерском полушубке и отблескивающих в свете газовых фонарей сапогах. Неизвестные доброхоты устроили его при генеральном штабе офицером для деликатных поручений, и Николя как мог извлекал из своего положения пользу. Душа любой компании, гусар, выпивоха и жуткий бабник. Про его амурные похождения ходили по городу легенды. Поговаривали, что как-то на пасху он умудрился совратить фрейлину Вырубову, близкую приятельницу Распутина. Сие, впрочем, Шустовский отрицал.

Каштымов и Николя были не то, что друзьями, скорее приятелями. Бывали вместе на студенческих пирушках, кратковременно увлекались политэкономией и курсистками из Бестужевки, совершали озорные променады по Невскому, задирая городовых.

— Ишь, дьявол бледный! — хлопая приятеля по плечу, заорал Николя. — А мне говорили, ты на фронте!

— Был ранен. Госпиталь. А в нем, брат, румянец не появится!

— Что-нибудь серьезное?

— Пустяки, Коля. Уже поправился. Даже вот в ресторацию собрался выздоровление отметить. Почтишь данное мероприятие присутствием?

— Отставить, поручик. Я тебя с собой прихвачу. Бал не бал, прием не прием, но нечто весьма пикантное.

Он подсадил друга в пролетку и уселся рядом, шикарно заложив ногу на ногу:

— Гони, Иван, на Литейный. Особняк господина барона фон Гольдензака! — и, обернувшись к Каштымову, добавил. — Баронесса — пальчики оближешь! Мила, непосредственна, грациозна, пугливая лань, да и только! Конечно, как всякая женщина, не без коготков, будь здоров!

— А что же барон?

— Изволит ничего не замечать. Знакомый эскулап из морской коллегии на

днях по секрету признался, что Гольдензак долго не протянет. Желчные протоки, вроде. Но похоже, эта супруга его в могилу сводит. Но я барона понимаю! Татьяна Андреевна — такой аленький цветочек! Цирцея-искусница! Да чего тут рассусоливать, сам увидишь!

Особняк в три этажа был празднично иллюминирован. У парадного прибывающих встречал могучий швейцар, выряженный зачем-то на финляндский манер. В прихожей две молоденькие и кокетливые горничные то и дело появлялись, чтобы принять верхнюю одежду у гостей и с визгом исчезали, когда кто-нибудь из мужчин пытался ущипнуть их.

Друзья-приятели задержались у громадного во всю стену зеркала в позолоченной массивной раме. Каштымов заметил едва намечавшиеся залысины у Николя, сказал что-то шутливое, но Шустовский отмахнулся, хохотнул и побежал наверх. Поручик провел костяшками пальцев по щеке, отметив проступившую после утреннего бритья у госпитального парикмахера щетину и вдруг отшатнулся в неподдельном ужасе: вместо родного и знакомого до последней родинки собственного лица на него в упор пялил глаза-буравчики, мало просто сказать неприятный тип. Во-первых, он был в больших летах, нежели Алексей Дмитриевич, во-вторых, широкий в крупных порах нос свекольного цвета наводил на мысль, что его обладатель может дать сто очков вперед по части употребления спиртного любому, в-третьих, а вам бы понравилось, если из зеркала, кое обязано правдивым образом сообщить, что именно надлежит поправить в вашем туалете и где следует запудрить невесть откуда вылезший прыщик, пристально и с явной заинтересованностью наблюдает за вами незнакомый господин уголовного склада?!

Поручик мог поклясться, что никогда прежде не видел своего визави. Тем временем рожа в зеркале оскалилась, задрожала, заструилась и исчезла вон. Некоторое время после этого зеркало было пустым, вернее, в нем отражались и противоположная стена со старинными подсвечниками в стиле ампир, и нижние ступени спускающейся в прихожую лестницы, застеленной мягким персидским ковром, одного только не было — бледного как смерть лица Алексея Дмитриевича. «Что за наваждение!» — прикрыл глаза ладонью поручик.

— Алекс! — раздался сверху голос Николя. — Не задерживайся!

Каштымов опустил руку. Все было в порядке: из зеркала на него глядели знакомые серые глаза. Стряхнув оцепенение, он быстрым шагом понялся на второй этаж. В гостином зале было людно, как на Дворцовой площади во время коронации. Под приятную, но не знакомую музыку, кою производил небольшой духовой оркестр в дальнем углу, пары, преимущественно молодежь университетского возраста, кружили по навощенному паркету, тесно прижимаясь друг к другу.

К ним подошла молоденькая женщина с неправильными, но очень милыми чертами лица. Чуть тронутые помадой губки были капризно надуты, как будто их владелица за что-то сердилась на молодых офицеров. На женщине было темное платье с низким декольте, кое позволяло нескромному взгляду узреть довольно привлекательную картину. Каштымов не избежал искушения и имел честь лицезреть крепенькие, как деревенские антоновские яблоки, груди. Не трудно было догадаться, что их вид заставил не одно мужское сердце встрепенуться и забиться быстрее.

— Коленька, представьте вашего друга, — чуть картавя произнесла женщина.

«Милый голосок и сама мила!» — мелькнула в голове у поручика мысль, отвыкшего после госпитального отшельничества от дамского общества.

— Алексей Дмитриевич Каштымов, мой товарищ по Горному. Воевал, до сего дня находился на излечении в госпитале.

— Боже мой, где это вас? — ужас в глазах женщины был искренним, и Алексей был благодарен ей за этот ужас и сострадание, проскользнувшее в голосе.

— Под Перемышлем! Австрияки старались отправить меня к праотцам, но, как видите, им это не удалось...

— Милый мой, пойдемте к дамам. Они будут рады послушать ваши одиссеи!

Через четверть часа, выручив поручика из цепких рук женской половины сего приятного общества, Николя отвел приятеля к широкому подоконнику и, ни мало не смущаясь, уселся на оный, ловко выхватил из портсигара папироску и вскоре уже пыхтел ею.

— Ну, как тебе нимфа с Литейного?

— Николай, оставь свои мифологические сравнения. Дама как дама! В обращении приятна, не скрою, но...

— Подожди. Хочешь пари на ящик шампанского, она ангажирует тебя на сегодняшнюю ночь?!

— Прекрати говорить гадости. Не знай я тебя столько лет...

— То что? На дуэль вызовешь?! — подмигнул Шустовский. — Или в отхожем месте морду набьешь?

— Не ерничай, Николай. Ты же знаешь, как я оношусь к подобного рода разговорам и выходкам!

— Вот уж не думал, что ты после фронта останешься институткой! Ну, ладно, не буду, не буду. Но можешь быть уверен, баронесса — исключительная во всех отношениях женщина! Если говорю, значит, знаю!

Он снова подмигнул.

— Небось, после пресных сестер милосердия Татьяна Андреевна показалась тебе ангелом небесным?

Каштымов не проповедовал аскетизм и в госпитале у него наметился легкий роман с одной довольно экзальтированной особой, жаждавшей возложить на алтарь милосердия не столько свое доброе сердце, сколько щедрое лоно. К концу пребывания Алексея Дмитриевича в послеоперационной палате амурные приключения в духе Габорио ему порядком наскучили и он с нескрываемым удовлетворением оборвал затянувшуюся связь. К тому же оказалось, что не только его одного дарила своими ласками любвеобильная матрона. Николя, надо отдать должное его проницательности, попал в точку. Если Дарья Максимовна ассоциировалась у Каштымова с пшенной кашей, которой его кормили на протяжении всего времени, отпущенного на поправку, то Татьяна Андреевна представлялась скорее жюльеном из дичи, о котором он мечтал скучными вечерами на госпитальной койке.

— Право, Николай, брось все опошлять! — возмутился Каштымов.

— Ишь, обиделся, — ответил Николя, делая глубокую затяжку и пуская кольца. — Но я кожей чувствую — Танюша на тебя глаз положила.

И это уменьшительное Танюша сказало Каштымову больше, чем все сальности, отпущенные Шустовским за этот вечер.

— Немедленно едем домой! — воскликнул Алексей Дмитриевич и подхватил пошляка под твердый локоть.

— Господа! — раздался столь милый сердцу поручика голос. — Прошу к столу! Столовая на первом этаже.

Расходиться гости начали где-то за полночь. Барон отправился почивать в половине одиннадцатого, сказавшись усталым. По какой-то не ясной для него причине Алексей Дмитриевич уходить не спешил. То ли слова Шустовского, то ли таинственная улыбка, время от времени пробегающая по пухлым губкам баронессы, то ли загадочное поведение зеркала, то ли все вместе, но в поручика вселился проблеск надежды, томительное предчувствие на что-то затаенное и страстно желаемое. И его ожидание странным образом подтвердилось, когда Каштымов совсем уж было собрался уходить. К нему подошла горничная и, сделав книксен, вручила записку.

«Я Вас не отпускаю. Жду в Зеленом зале в два часа. Т.»

Николя, заметив клочок записки в судорожно сжатом кулаке поручика, победно заржал:

— Итак, я был прав, Алеша!

Вместо ответа Каштымов спросил в свою очередь:

— Если ты так всезнающ, изволь сообщить, где у Гольдензаков Зеленый зал?

— Ну, брат, тебе подфартило! На моей памяти ты второй! Поднимешься

на третий этаж, пройдешь галерею по левой стороне и упрешься в дверь, обитую темно-зеленым бархатом. Смотри не перепутай! Впрочем, скорее всего тебе дадут провожатую. Оревуар, поручик! Желаю успешно провести наступательную кампанию! В духе генерала Брусилова! — он вновь подмигнул и принялся нашептывать что-то на розовое ушко горничной. Наконец угомонился и отправился домой, выкрикивая шокирующие всех верноподданические лозунги.

Минут через десять Алексей Дмитриевич в сопровождении Ксюши (ожидая назначенного часа он не только узнал имя горничной, но и успел ознакомиться с ее душещипательной историей появления в столице) подошел к указанной Шустовским двери. Что ждало его за ней? Бурная фантазия молодого человека рисовала картины, могущие устыдить даже прожженного писаку вроде Арцыбашева. Огонь страсти пылал в душе Алексея Дмитриевича, но не той нежной страсти, присущей трепетным девушкам на выданье в предвкушении замужества, и не того скотского вожделения, на кое способны в плену инстинкта натуры низкие и бездушные, а страсти роковой, страсти всепоглощающей, во имя которой писались бессмертные симфонии и сонеты, открывались новые острова и материки, сражались насмерть на дуэлях...

Поднимаясь вслед шуршащей юбке горничной, Каштымов слышал свое гулко стучащее сердце. Ему казалось, что девушка тоже слышит этот стук, и было неприятно сознавать, что Ксенья, видимо, в курсе хозяйкиных дел, и не его первого сопровождает на ночное свидание. Хотя Николя утверждал, что на его памяти это всего лишь второй случай, настораживало, откуда сей ловелас знает, где находится Зеленый зал? Боже, какой же я все-таки идиот, конечно же, не я первый, не я последний, но странное дело, никаких негативных эмоций из-за этого не испытываю и, положив руку на сердце, отдаю полный отчет, что не на шутку потерял голову и от чуть заметной картавинки в произношении, и от скользящей походки, и от гибкого стана, грациозно изогнутого в танце...

— Барыня! — тихо позвала Ксенья в замочную скважину. — Алексей Дмитриевич!

Дверь отворилась, пропуская Каштымова. В отличие от гостиного, Зеленый зал был гораздо меньше и вследствии этого гораздо уютнее. Дополнительное очарование ему придавали свечи в канделябрах, укрепленных по стенам. Ничего зеленого в зале не было, очевидно, название свое он получил по цвету обивки входной двери.

Татьяна Андреевна в прозрачном одеянии полулежала на медвежьей шкуре у противоположной стены. Каштымов приблизился к ней, от волнения его трясло как в приступе малярии.

— Милая Татьяна Андреевна! — прошептал он горячо. — Еще вчера я и мечтать не смел о встрече с такой как вы женщиной. С первого шага в вашем гостеприимном доме, с первого звука вашего прелестного голоса, с первого взгляда на ваше восхитительное лицо, я окончательно сражен, и не коварным свинцом, а малахитом ваших очей. Сегодня вечером я умирал бесчисленное количество раз, когда вы отдавали предпочтение не мне, ибо каждого мужчину я расценивал как будущего соперника, и воскресал снова подобно сказочной птице феникс, когда ваш благосклонный взгляд останавливался на мне. Татьяна Андреевна, голубушка, боюсь показаться нескромным, но мое сердце принадлежит вам одной и вы можете располагать мною по своему усмотрению в любой желаемый для вас миг. Наверное, ни один человек в мире не может любить так, как люблю вас я. Сегодня среди множества лиц я все время искал только одно, и это лицо мне дороже всех сокровищ аравийских султанов и индостанских магараджей, это лицо — лицо самой прекрасной жительницы Петрограда, ваше лицо, Татьяна Андреевна! Позвольте же в знак того, что моя любовь нашла отклик в вашем сердце, поцеловать вас!

Баронесса качнула головкой и прикрыла ресницами свои чудесные глаза. Поручик опустился на колено и приник к губам женщины. От длительного и пьянящего поцелуя Каштымов ощутил головокружение и даже на какое-то время лишился чувств. Прохладные пальчики прелестницы, будто сами по себе, а не по

воле хозяйки, скользнули под френч, расстегнув попутно все преграды на своем пути...

Вскоре, избавившись от ненужной в подобных обстоятельствах одежды, любовники предались самой занимательной и естественной из игр, которые приготовила для людей мать-природа. Вначале, едва касаясь друг друга обнаженной кожей, они тушили сообща свечи и Алексея особенно умиляло то обстоятельство, что любимое существо становилось на цыпочки, чтобы приблизить свои пухлые губки к язычку пламени, и он сам тушил свечу и своим языком заменял ей колеблющийся язычок свечи. После изощренной борьбы языками он сдавался на милость победительницы и нежно прижимал ее тело к своему. Все движения Татьяна Андреевна совершала с закрытыми глазами, словно погружаясь в пленительное сновидение, на ее губах застыла таинственная улыбка, словно она одна на свете знала что-то особенное и ни с кем не собиралась делиться...

Она отдавалась страсти с готовностью и смелостью, Алексей готов был признать, что в искусстве науки нежной она достигла непревзойденных высот, несмотря на свою очевидную младость...

Когда последняя свеча испустила дух в виде узкой струйки дыма, любовники рухнули на шкуру как подкошенные, ибо ноги их не держали. Увертюра была сыграна, начиналась симфония. Что последовало затем — не описуемо. Ни одна из женщин, встреченных Алексеем Каштымовым в жизни, не могла так увлечь своим телом, своей страстью и своей нежностью, как это делала баронесса в ту памятную ночь. Что они только не вытворяли этой ночью, ночью сладострастия и добровольного безумия: сплетались руками и ногами аки змеи, покусывали друг друга в запретные места, находя в этом не мало для себя удовольствия, прятали и находили полураскрытые уста, дабы влить в них нектар поцелуя.

Со всей пылкостью, доступной только молодости, поручик искал в партнерше идеал, который представлялся ему в юношеских грезах. Ее гибкий девичий стан, горячий и упругий, вселял в него упоение обладанием и радость самопожертвования. А ее жаркие груди, украшенные бутонами розовых наконечников, таили в себе причастность к загадке бытия. Каштымов легонько покусывал эти нераскрывшиеся досель цветы наслаждения и чувствовал, как дрожь жечщины передается ему. Потом он спускался губами на мраморный живот с червоточинами родинок... А мягкие и в то же время тугие бедра обладали замечательной способностью успокаивать самые резкие порывы его холерического темперамента и гасили волны чувственности, когда он прикасался к ним своими пальцами! А вздыбленные задорно холмы ягодиц, прохладные и гладкие, как южные плоды...

Любовники наслаждались с такой ненасытностью, с такой неуемностью, с какой могут наслаждаться только молодые люди, не прочитавшие все страницы в тайной Книге Жизни и ожидающие впереди еще более интересной, еще более насыщенной событиями жизненной дороги, не знающие, к сожалению, что эта пора и есть самый интересный, самый насыщенный период их столь краткого пребывания на свете!

«Милый, любимый, замечательный, чудесный, любезный...» — какими только эпитетами не обращалась к поручику Татьяна Андреевна в пароксизме страсти. Он достойно отвечал ей еще более нежными и еще более ласковыми словами. Его руки, в особенности пальцы, равно как и ее руки и пальцы, существовали самостоятельно, отдельно от тел, которым они принадлежали. Они порхали мотыльками, еле касаясь своими эфемерными крылышками самых укромных и потаенных местечек, высвобождая томительный аромат плоти и вкус запретного плода... Сколько, однако, способен измыслить любящий человек забав, недоступных для ханжей и лицемеров! Нет, здесь бессильно перо...

Чем закончилась эта безумная ночь, Алексей Дмитриевич не помнил. То ли от излишка принятого накануне тайного свидания шампанского, то ли от избытка захлеснувших его чувств, но стыдно сказать, под утро он не выдержал и

забылся в объятиях разгоряченной баронессы, а проснулся в совершенно незнакомых аппартаментах. На постели было свежее голландское белье с кружевами, пахло лавандой и почему-то скошенным сеном. На спинке венского стула висело белье и френч с галифе.

Вошла Ксения, держа вычищенные сапоги в отставленной кокетливо ручке.

— Где я? — спросил поручик, протирая по очереди глаза большим пальцем.

— В гостевой спальне.

— А хозяйка твоя где?

— Татьяна Андреевна с Анатолием Карловичем уехали в Гельсингфорс на неделю. Просила передать вам это!

Алексей Дмитриевич раскрыл надушенный конверт. В нем была записка и сторублевая ассигнация с профилем императрицы Екатерины. От ассигнации исходил знакомый запах — запах Татьяны Андреевны минувшей ночью. «Милый Алекс! Анатоль приревновал к Вам. Постараюсь усыпить его бдительность и встретиться с Вами. Посылаю «катеньку». Смею надеяться, что она принесет Вам счастья. Т.»

— Не понял! — повысил голос Каштымов. — К чему деньги?!

— Татьяна Андреевна просила передать на словах, что это сторублевка наполовину ваша, наполовину — ее. Я ничего не понял, но хозяйку знаю, она от своего не отступится!

— Я тоже! — поручик завернул «катеньку» в конверт и решительно протянул горничной. — Я не какой-нибудь чичисбей... Офицеру славной русской армии не к лицу получать деньги от женщины!

— Вы не поняли, Алексей Дмитриевич. Это не просто деньги, это — талисман. Хозяйка сказала, если вы будете кочевряжиться, мне надобно вам растолковать, что сторублевка появилась сегодня ночью не без вашей помощи. Это билет на пароход будущего!

— Ничего не понимаю! Какой-то билет, какой-то пароход...

— Я тоже не понимаю. Но Татьяна Андреевна в большом несчастье будет, если вы откажитесь.

— Хорошо! — сказал Каштымов. — Я возьму эти деньги. Но приложу все старания, чтобы при первом же свидании вернуть их твоей госпоже. А пока пусть напоминают мне о ней!

Он положил конверт на сиденье.

— Теперь, Ксенья, изволь удалиться — мне необходимо одеться!

Уже в дверях горничная лукаво произнесла:

— Очень Вами Татьяна Андреевна довольны остались! Прямо светилась вся утром... Завтрак на столе, господин поручик!

Выйдя на улицу, Алексей Дмитриевич почувствовал странное оживление, охватившее столицу в этот зимний день. На зданиях развевались красного цвета полотнища. На тратуарах бурлила разношерстная толпа: каракулевые шубы были разбавлены большим количеством серых солдатских шинелей и черных бушлатов Балтийского флота. И солдаты, и матросы были вооружены. Поручик выбрал человека в форменном пальто Налогового ведомства и спросил:

— Извините, что за праздник такой?

— Революция! — ответил чиновник громко и посмотрел вокруг, ожидая, по-видимому, одобрения своим словам. — Николай Второй подписал отречение! Власть перешла к народу. Теперь нет господ, теперь все — товарищи! Позвольте поцеловать вас, товарищ!

Чиновник неожиданно впился прокуренным ртом в щеку Каштымова. После Татьяны Андреевны этот товарищеский поцелуй не нашел должного отклика в сердце товарища поручика. Он с трудом стерпел издевательство и пошел прочь, искать Шустовского или кого-нибудь из тех, кто мог разъяснить, что же делать дальше, как жить... Привычный мир, до сих пор окружавший Алексея Дмитриевича словно кокон шелкопряда, дал трещину, чтобы под следующим ударом, в октябре, навсегда разлететься в прах...

Каштымов решил не возвращаться в полк. Он остался в Питере, интуи-

тивно чувствуя, что в столице решается судьба России. Кроме того, одной из причин, побудивших его поступить именно так, была Татьяна Андреевна. Незабываемая! Незабываемая, но забывшая. После единственной ночи баронесса с мужем исчезли. Особняк на Литейном реквизировали под какой-то комитет. Вместо прелестницы в нем появились усатые мужчины в тельниках и наколках и горластые брюнеты в кургузых пальтецах, но при маузерах в деревянных кобурах. Каштымов не сразу, но принял идею всемирной революции и после длительных мытарств в организациях анархо-синдикалистов, черных анархистов и левых эсеров очутился в партячейке Путиловского завода. Воевал против Юденича, по разнарядке попал в состав отряда по борьбе с саботажем и бандитизмом, отличился во время ликвидации банды «попрыгунчиков» и банды Косого Валета. После прогремевшего на весь цивилизованный мир ограбления Патриаршей ризницы один из следов привел в Гатчину и ушел в Крым. Дело было сложное, версии отрабатывались долго и через три года, когда в Крыму досиживал последние дни барон Врангель, Каштымов отправился в Севастополь, оказывая оперативную помощь московским товарищам из угро. В бумажнике бывшего поручика лежала сотенная ассигнация, единственная примета той февральской ночи в Зеленом зале...

За трое суток до начала знаменитого рейда через Сиваш и штурма Турецкого вала Алексей Дмитриевич высадился в окрестностях Севастополя с рыбацкой фелюги. Город напоминал больного в горячке. По ночам стреляли. Гвардия доблестно надиралась в кабаках, кожей чувствуя приближение красных. Шушера, всколыхнутая революцией и последующими годами гражданской войны, бежала от большевиков в Крым и, осевшая на побережье, ждала погрузки на пароходы, чтоб переплыть Черное море, и попасть в сияющий золотом минаретов благословенный Константинополь, от которого было рукой подать до столицы тогдашнего мира — Парижа.

Спускаясь извилистой и узенькой улочкой вниз к порту, где недалеко от набережной притулился скособоченный домишко, где Алексея ждали на конспиративной квартире, он профессионально оценивал возможность уличных боев и пришел к выводу, что город долго не продержится. Его взгляд задержался на дореволюционной вывеске «Конфекцион и колониальные товары господина Шуазена» и вдруг что-то кольнуло в сердце — на перекрестке, что располагался полусотней метров дальше, чем заведение г-на Шуазена, он заметил знакомый силуэт, пленительные очертания которого будоражили бывшего поручика по ночам. Он встретил пленительное тело, которое не могли замаскировать ни безобразное платье с оборками, ни высокие ботинки.

— Татьяна Андреевна! — закричал Алексей, забыв о своем нелегальном положении.

Баронесса обернулась и грациозным движением поправила оборки.

— Алексей Дмитриевич, вы? Какими судьбами?

— Где же мне быть, как не подле вас? — галантно приподняв канотье, улыбнулся Каштымов. — Позвольте ручку!

Баронесса позволила. Распаляясь, Алексей заговорил быстро и трепетно, боясь что Татьяна Андреевна исчезнет снова и не дослушает всего, что накопилось у него на сердце за четыре года разлуки:

— Милая моя Танюша, сколько месяцев страдало мое бедное сердце, не зная ничего про вас, сколько раз я собирался свести счеты с жизнью, разуверившись в жизни и отчаявшись снова повидать вас! Но в эти тягостные для меня минуты я вспоминал ваш талисман и он поддерживал мое существование и как якорь держал на поверхности житейского моря, не давая налететь на рифы тоски и бесцельности...

— Полноте, голубчик, — растрогалась баронесса. В уголках ее изумрудных глаз заблестели слезы. — Я вижу, вы нисколько не изменились, вы все тот же галантный поручик, которого привел кто-то из моих поклонников, — она окинула оценивающим взглядом влюбленного в нее мужчину и добавила. — Да, почти не изменились, возмужали только, да морщинки у глаз...

Она легонько провела рукой в перчатке по щеке Алексея Дмитриевича.

— Теперь вижу, что глаза твои Алеша, не так блестят, как блестели в Зеленом зале при свете последней свечи...

— Четыре года! — вздохнул Каштымов. — И каких года. А вы, вроде, даже помолодели!

Действительно, Татьяна Андреевна выглядела прекрасно. Будто и не было для нее этих лет, наполненных до краев классовой ненавистью, порохом и кровью. Кожа, покрытая золотистым пушком, просвечивала на солнце. Тонкие пальчики, талия как у гимназистки и высокая грудь — все осталось таким, каким он запомнил в ту ночь.

Вот только взгляд. Взгляд у Татьяны Андреевны стал откровеннее. Каштымову метаморфоз сей не понравился, но воспоминания нахлынули и затопили искорку недовольства:

— Татьяна, милая! Я сгораю от нетерпения, — задыхаясь от внезапной страсти, Алексей склонился к ушку под каштановым завитком, — скажи, где мы можем уединиться, чтобы вспомнить все-все!

— Ах, Алекс! Ваши флюиды действуют сейчас на меня точь-в-точь как тогда, в феврале! Но пока я не могу позвать вас к себе — за мной беспрерывно следит какой-то шпик, может быть, из контрразведки. Дело осложняется тем, что в меня безумно влюблен полковник Отто Иванович Штейхен-Рауцер. Он просто преследует меня: осыпает цветами, приглашает в кафе-шантан, вчера принес билет на английский пароход «Лорд Квинсберри», который отходит завтра в четыре часа пополудни...

— В будущее! — продолжил за баронессу Каштымов.

— Все помнишь, Алекс! — перешла на ты Татьяна Андреевна, игриво тряхнув головкой. — Действительность оказалась куда будничнее моих романтических устремлений четырехлетней давности... Полковник, наверное, приставил ко мне соглядатая. Вот он, делает вид, что безумно увлечен витриной кондитерских изделий господина Кусочникова.

Каштымов скосил глаза в черноту улицы, по которой гуляла баронесса. И впрямь, в глубине, у белого флигеля с вывеской по фасаду, мялся невзрачный субъект с бакенбардами и бородкой клинышком. Он делал вид, что нет ничего интереснее, чем горка засохших безе, буше и наполеонов, выставленных господином Кусочниковым для всеобщего обозрения. Даже по угодливо согнутой спине можно было догадаться, что субъект — из породы филеров.

— Дорогая, где вы остановились?

— Гостиница «Одеон». Мои апартаменты на втором этаже, справа от центральной лестницы. Жду в девять.

— Непременно буду! А теперь я намерен лишить вас общества человека, чье присутствие для вас, радость моя, обременительно!

Татьяна Андреевна вцепилась в рукав Каштымова.

— Не смейте ничего предпринимать! Полковник ревнив, как мавр!

— Нет, уважаемая баронесса, как офицер и как мужчина я считаю своим долгом оградить даму от поползновений, ограничивающих ее свободу. В девять ждите!

Он поцеловал руку на прощание и быстрым шагом направился к флигерю. Когда до навязчивого типа оставалось шагов десять, тот внезапно исчез. Только что чесал затылок, сдвинув котелок на лоб, и нет его! Испарился, как будто в стену спрятался. Озадаченный Алексей Дмитриевич покрутился на месте, зачем-то потрогал стену, убедился в ее материальности и, недоуменно вертя головой, пошел к товарищам на конспиративную квартиру. Через несколько минут он выбросил таинственное приключение из головы и принялся насвистывать жестокий романс, предвкушая свидание в гостинице «Одеон»...

Надо заметить, что ко второй встрече с Татьяной Андреевной Каштымов подготовился основательно. Он подкатил к парадному на извозчике за пять минут до назначенного часа. В одной руке он держал объемистый саквояж, из тех, что облюбовали для себя землемеры и земские врачи. При встряске саквояж позвякивал. В другой руке был пышный букет роз, заимствованный нелегальным путем в оранжерее английского посланника. Расплатившись с извозчиком,

Каштымов прошел через крутящуюся дверь, небрежно кивнул портье и по мраморной лестнице, убранной ковровой дорожкой, проследовал на второй этаж. Вот и долгожданная дверь. Костяшками пальцев он нетерпеливо забарабанил, сигнализируя о своем прибытии. Сердце выпрыгивало из груди.

Ему пришлось обождать. Наконец дверь приоткрылась и он сделал шаг вперед. Увидеть интерьер номера мешал стеклярус, водопадом струящийся с потолка.

— Алексей Дмитрич! — проворковал чуть картавящий голосок и белая узкая кисть ладонью кверху показалась сквозь стеклярусную завесу.

— Прошу меня извинить! — заикаясь произнес Каштымов. — У меня руки заняты!

— Не беда, милый! Какие чудные цветы! Просто прелесть!

Каштымов вздохнул, как пловец перед прыжком в воду, и нырнул в стеклярусную волну. В прихожей он налетел на Татьяну Андреевну, обхватил и нанес прицельный поцелуй в шейку. Она поджала губки и нахмурила брови, а он, словно не замечая ее недовольства, прошел в гостиную. Комната была на три громадных окна. Посредине дредноутом возвышался громадный круглый стол, за которым могли уместиться, пожалуй, все рыцари Короля Артура и их дамы сердца. Стол был накрыт скатертью соответствующего размера, а на ней орудийной башней стояла уродливая хрустальная ваза. Три стула, горка и резная тумба на витых ножках дополняли гарнитур. На стене против окон висела копия картины Манэ. Пока Каштымов осматривал комнату, сзади подкралась баронесса. Она положила руки на плечи и прижалась щекой к его спине.

— Милый Алекс! Как мне не хватало твоей любви все эти годы! Ты единственный среди всех истинный мужчина. Я до сих пор вспоминаю ночь нашей встречи и плод этой ночи — ассигнацию! А ты помнишь?

— Конечно! — воспоминания нахлынули и затопили Каштымова. Между тем он продолжал механически двигаться, как андроид, виденный им в кунсткамере как-то по случаю. Алексей Дмитриевич раскрыл саквояж, выложил на скатерть несколько бутылок французского шампанского и коробку дореволюционного печенья «Гала Петер», которое в Севастополе продолжал выпускать г-н Кусочников. Букет же он всунул в «орудийную башню».

— Алекс, — мило проворковала Татьяна Андреевна, — к чему все это?

— Татьяна, у вас найдется хрусталь? — вопросом на вопрос ответил Алексей. — Четыре года нашей разлуки я мечтал, как мы вдвоем станем пить шампанское! Наедине друг с другом! И это КОГДА-НИБУДЬ наступило — талисман скрестил наши пути!

Баронесса удалилась в спальную и вернулась с двумя гранеными стаканами. Она виновато улыбалась:

— Прости, дорогой! В этом ужасном непостоянном мире я теряюсь, похоже, хозяин уже упаковал хрусталь. Еще утром посуда была на месте... Придется пить из этого...

— Танюша, — преувеличенно живо сказал Каштымов, — не было бы у нас другой печали! Из таких стаканов на фронте я водку, извините за грубость, лакал, потом в Питере кипяток употреблял, когда есть нечего было, теперь вот шампанского попробую!

Он ловко сковырнул фольгу с горлышка и пробка с оглушительным артиллерийским грохотом вонзилась в лепной потолок...

Через полчаса, раскрасневшись от выпитого и от близости друг друга, они оказались, наконец в объятиях. Несколько судорожных резких движений и домашний туалет мадам фон Гольдензак обрел успокоение на спинке одного стула, а клетчатый костюм Алексея Дмитриевича — на спинке другого. Кружевное комбинэ баронесса сбросила уже в спальне, выйдя из белья как Афродита из морской пены.

— Царское ложе у Вас, Татьяна Андреевна, — внезапно смутившись собственной наготы, пробормотал Каштымов. Широченная постель была застелена роскошным восточным покрывалом, на коем пурпурный дракон предавался любовной битве с ярко-желтой драконессой. Баронесса изящным движением от-

бросила покрывало и свернулась ящеркой на простыне. Узкое прохладное тело баронессы с озорно торчащими сосками маленьких грудей призывно манило и вскоре начало извиваться под нежными ласками долгожданного партнера.

Он пробежал языком по впадинке позвоночника, ожегши поцелуями выточенные из слоновой кости ягодицы. В это время баронесса тоже не оставалась без дела — она была большой искусницей по части массажа. С настойчивостью юности и терпением опыта она оплетала его миллионом способов, каждый раз выдумывая что-нибудь новое, непробованное, экстравагантное... Разгоряченные дыхания встретились в длительном, как сама вечность, поцелуе и этот поцелуй вобрал в себя Каштымова целиком, закружил и швырнул в бездну наслаждения...

Разметавшись на ложе, Алексей Дмитриевич отдыхал после первого жаркого натиска. На него снизошел вселенский покой. На этот раз он спать не хотел и наблюдал за дивными обводами прелестной Татьяны Андреевны: с ней же творилось что-то непостижимое. Ее вспотевшее лицо исказилось гримосой боли, таившейся до поры до времени внутри. Она извивалась, суча ногами так, что простыня голландского полотна сбилась в ком. Потом тело баронессы стало изгибаться, как при приступе падучей. По ее белоснежному лону прокатилась волной судорога, и внезапно на ложе посыпались круглые предметы. Они падали и падали, и были предметы эти монетами.

Тут было не до вселенского покоя. Алексей вскочил: «Танюша, что с Вами?»

Баронесса, закусив до крови нижнюю губку и разметав каштановые кудри на подушке, только постанывала, и из-под прикрытых век по щекам побежали слезные дорожки.

— Родная, прости, я не хотел! — воскликнул в ужасе Каштымов и обнял любимое существо за талию. Последняя судорога — и последняя монета звякнула, скатившись к остальным. Постепенно баронесса успокоилась. Алексей обтер ей лоб тыльной стороной ладони и поцеловал в краешек глаза. Потом она открыла глаза, собрала таким странным образом появившиеся на постели монеты и положила их ему на живот. Монеты неприятно холодили кожу. Это были золотые червонцы с профилем расстрелянного монарха.

— Ни с кем мне не бывало так хорошо, — шепотом произнесла баронесса, положив голову мужчине на плечо. — И ни с кем мне не было так больно. Золото у меня вообще в первый раз. Все бывало: копейки, гривенники, полтинники, один раз — даже старинные семишники времен Анны Иоанновны, но чтобы золотые червонцы! Да Алекс, ты опять доказал что ты настоящий мужчина! Когда я провела ночь с лордом Галифаксом, думала, что из меня пойдут, по крайней мере, гинеи, а потекли ручьем, ты можешь себе представить, шестипенсовики! Вот незадача! А теперь, — без всякого перехода объявила она, — уходи! С минуты на минуту заявится Отто Иванович, и мне не хотелось бы, чтобы вы встретились здесь.

— Таня, как ты можешь говорить такие страшные вещи человеку, который боготворит даже имя твое?

— Жизнь, милый мой Алексей Дмитриевич! Жизнь — такая страшная штука! Как только мне исполнилось шестнадцать, меня стало тянуть к мужчинам. Я готова спать со всеми, на ком надеты брюки: и с аристократом, и с люмпеном, лишь бы он смотрел на меня безумными глазами и я чувствовала, что он страстно жаждет моего тела! Если он желает меня, тогда я тоже желаю его. И каждый раз, когда наши желания совпадают, у меня после восхитительного чувства легкости и пьянящей свободы внутри зарождается что-то тянущее, тяжелое и через некоторое время из меня выходят деньги. Чаще бумажные, а в некоторых случаях — монеты. Вначале это пугало меня, я стеснялась своей особенности, но со временем я привыкла и стала находить известное удовольствие в подобных пикантных ситуациях. Бывает видный мужчина, с положением в обществе, при финансах, а заработает со мной копейку, от силы две, а иной — и вида никакого, а из меня идут купюры не переставая. Может быть все дело в том, что я такая испорченная? Скажу по секрету, однажды я на фран-

цузский манер пригласила к себе в постель горничную, да ты с ней знаком — Ксюша. Решила проверить: будут ли деньги? Что я с ней только не вытворяла — впустую. Деньги — только с мужчинами. Кого только не видела моя постель: и членов Государственной Думы, и мастеровых, и угрюмых хуторян, и бравых офицеров! Попался как-то великий князь!

В дверь постучали. Татьяна Андреевна приподнялась на локте.

— Ну; что я говорила? Отто Иванович собственной персоной!

«Удивительная все-таки женщина!» — с некоторым даже восхищением подумал Каштымов и встал, чтобы одеться. Как это ни покажется странным, признание баронессы не стало для него откровением. Ведь была же «катенька» после февральской ночи, да и Николя хвастался «квартой», т. е. двадцатипятирублевкой, таинственно намекая на «известную всему Питеру исполнительницу». Конечно, Алексей Дмитриевич не верил сплетням, но тем не менее... Что-то неуловимое заставляло его со снисхождением относиться к прелестной искуснице, извлекающей из своей страсти выгоду в твердой валюте!

Татьяна Андреевна набросила на голое тело прозрачный пеньюар, предусмотрительно приготовленный заранее, и пошла в прихожую. Алексей встал за портьеру у входной двери и прижался к стене. Ему было неловко, но баронесса приложила палец к губам и заговорщицки подмигнула. «Я обниму полковника, а вы, змей-искуситель, выскользнете за его спиной!» — прошептала она и твердой рукой освободила задвижку.

Полковник оказался верзилой, да еще при кортике, очевидно, подражая Верховному. Татьяна Андреевна и впрямь обняла Отто Ивановича, повисла, словно ослабев под напором разом нахлынувшей страсти, и Каштымов незамеченным выскользнул в коридор.

Выйдя из «Одеона», он лицом к лицу столкнулся с давешним филером. И обомлел. Коренастый, с сизым носом и глазами-буравчиками — наваждение из зеркала в особняке на Литейном собственной персоной. На этот раз отражение из зеркала было вполне материальным и держалось с достоинством, не пытаясь исчезнуть или раствориться в ночной синеве. Филер приподнял котелок и задушевно сказал:

— Если вы не очень спешите, дражайший Алексей Дмитриевич, я хотел бы кое-что прояснить, ввиду явного недоразумения, имевшего место сегодня утром.

— Мне некогда! — отрезал Каштымов и, отодвинув плечом человека в котелке, совсем уж было собрался проследовать на набережную, но нахальный субъект препротивно хихикнул и сказал вдогонку:

— Жаль, а я уже хотел вам сообщить, что Татьяна Андреевна намерена покинуть этот бренный мир!

— Наслышан уже, — остановился Алексей и помимо собственной воли втягиваясь в разговор. Он ничуть не удивился, что шпик знает про отъезд баронессы на английском пароходе.

— Да нет, — словно прочитав его последнюю мысль, добавил филер. — Вовсе не из России уезжает Татьяна Андреевна, а с планеты под названием Земля!

«Неужели полковник что-то пронюхал обо мне и моем задании? В таком случае Татьяну могут обвинить в помощи большевикам, а это ей грозит подвалами севастопольской контрразведки и, как следствие — стенкой!!! Надо вернуться в гостиницу, предупредить, убрать полковника, в крайнем случае!»

— Не суетитесь, товарищ Каштымов! — сказал человек негромко, придвигаясь вплотную к Алексею. — Татьяне Андреевне смерть не угрожает, так как она не изволит жить в обычном смысле этого слова!

— Что вы, любезный, чушь городите?! — процедил тоже тихо Каштымов. Кому как не ему было знать, что баронесса живет, да еще ой-ей-ей как! Никому спуску не даст, только держись!

— Выслушайте меня внимательно и постарайтесь поверить, — продолжил филер.

— Может быть, нам не след торчать в центре города и мозолить глаза публике? Насколько я понимаю, ни я, ни вы в этом не заинтересованы?

— Это правда. Если не возражаете, неподалеку есть укромное местечко, где никто не помешает нашему уединению!

Устроившись на скамье в тени развесистого платана, филер доверительно начал:

— Вы приняли меня за шпика, фиксирующего каждый шаг баронессы, и надо прямо признать, вы не ошиблись! Я действительно за ней наблюдаю. С тех пор, как она стала выполнять свою миссию. Но я не из сотрудников Отто Ивановича, не из контрразведки Врангеля и вообще я... не землянин.

— ?!

— Да, да, уважаемый Алексей Дмитриевич! Увы, я не человек, так же как и ваша избранница!

Он затряс подбородком, изображая хихиканье.

— Я — посланник САМУДА! Самого Мудрого! Обитающего так далеко отсюда, что световому лучу требуются тысячелетия, чтобы долететь от Земли до места его постоянного пребывания. Когда-то очень-очень давно Самый Мудрый существовал во вселенной один-одинешенек. Он изучал мироздание, законы, по которым движутся небесные тела, их физические и химические компоненты, и на это у него ушло без малого шесть миллиардов лет...

— Бессмертный он что ли?

— Естественно, — протянул посланник. — В конце концов Самуду надоело изучать мертвую материю. Представляете, Алексей Дмитриевич, шесть миллиардов лет не с кем словом перекинуться?! И задумал САМУД грандиозное деяние: заселить космические просторы спорами жизни, подобной жизни самого САМУДА. И создал он вирусы. Вирусы двух типов: мужские и женские, ибо в число наук, которыми овладел Самуд за шесть миллиардов лет, входила и диалектика. А что может быть увлекательнее единства и борьбы противоположностей, так, кажется, у Маркса?! Ведь мужчина и женщина — суть противоположности, да еще какие! И посеял САМУД вирусы в пространстве и полетели зародыши белковой жизни, гонимые световым давлением, в разные стороны. Некоторые погибли в дороге, хоть и задумал САМУД вирусы неприхотливыми и стойкими, некоторые — достигли планет. И расцвела жизнь на этих планетах пышным цветом. Но вот какая оказия, насчет борьбы диалектика оказалась права, а вот насчет единства — промашка вышла. Ибо там, где больше женских вирусов село на планету — появились одни женщины, там, где мужских — соответственно одни мужчины. И стали женские планеты воевать с мужскими, а мужские — с женскими. Логика у них разная, характеры — тоже, не говоря уже о вкусах, привычках, отношению к жизни... И ни одна из сторон окончательной победы одержать не может! Посмотрел Самуд на сложившееся положение дел — ни уму ни сердцу. Совсем не того он хотел! А хотел он мира и благополучия всего сущего! И вдруг чувствительные приборы донесли, что на одной из планет, а именно, вы уже догадались, на Земле, уживаются в мире и те, и другие. Вот оно единство, которого так ждал САМУД! И задумал он изучить, какие обстоятельства заставили землян жить в симбиозе? Для этой цели он отправил сюда человекообразный андроид в виде привлекательной женщины, так как женщина — самый эмоциональный прибор во вселенной. Особенно интересовался САМУД двумя аспектами отношений между полами: эротикой и страстью к наживе. Он совместил в андроиде инструмент для познания этих аспектов — Татьяна Андреевна получилась на славу! Ну это вам и без моего рассказа известно!

Он нахально подмигнул.

Каштымов спрятал вспыхнувшее лицо в ладони. «Странный человек и рассказ его странный, а впрочем, писал же Уэлсс о марсианах, отчего Татьяне Андреевне не быть андроидом?» И продолжил вслух:

— А почему вы все это рассказали мне?

— А по той причине, любезный друг Алексей Дмитриевич, что не позднее завтрашнего дня САМУД приказал андроиду вернуться, а я при нем в качестве пространственного извозчика. Лично вам отводится в сем деле немаловажная роль. Ведь насколько я осведомлен, вы пробрались в тыл врангелевцам, чтобы

разыскать и помешать вывезти за границу драгоценности, в свое время похищенные из Патриаршей ризницы, и у вас при себе потайной мандат на беспрепятственный выход с территории Крымского полуострова. Мой же экипаж, к сожалению, спрятан на землях Малороссии и я прошу вас вывезти Татьяну Андреевну и меня отсюда. За это я подскажу, где сокровища: алмазная порфира, хоругвь Алексея Петровича, даренная ему римским кесарем, и ендова в самоцветах, преподнесенная Екатерине на день тезоименитства светлейшим князем Потемкиным...

Пространственный извозчик знал, о чем говорил — все, что он перечислил, в самом деле входило в опись, которую Каштымов знал наизусть. В конце концов есть Самуд или нет Самуда, а Татьяна Андреевна заслуживает участия.

— Завтра поутру я вас выведу!

— Значит, поверили, — сказал неземлянин.

— Поверил-не поверил, какое это имеет значение?! Самуд, у которого и головы, наверное, нет, испытывает на людях машину...

— Э, мой дорогой! САМУД не для себя старается. Ведь вы себе даже представить не можете, какие грандиозные битвы идут между планетами! И хотел бы он это прекратить, да одного желания мало — очень уж ненавидят друг друга бывшие вирусы! А на Земле удивительное дело — симбиоз. Конечно, тоже не все гладко. Мало идеальных супружеских союзов, но ведь встречаются! Рассказать о таком мужской планете и женской — не поверят, умом тронутся... Посему САМУД и решил опыт перенять, чтобы в дальнейшем распространить на антагонистов!

— Позвольте, позвольте! Я хоть не медик, но образование имею. Каким же, простите, способом размножаются сии амозонки и их противники? Не станете же вы утверждать, что младенцев своих они в капусте отыскивают, если, конечно, у них капуста растет?

— Это здесь, — усмехнулся неземлянин, — чтобы произвести на свет новую особь, необходимо наличие обоих полов, а в пространстве... Э, чего только нет в пространстве: на Клондее пятирчатая мать с четным залогом, на Флоне-Восьмом — вегетативное деление во время грозы, а уж на планетах Сумеречного пояса мужики сызмальства ругательствами размножаются. Выйдет мужичок в чистое поле, обзовет окружающий мир всласть, и готово, глядь, а рядом — пацаненок сопли утирает. И вообще, на большинстве женских планет в моде размножение партеногенезом, на мужских, в основном, — клонинг. Эти термины, Алексей Дмитриевич, вам трудно усвоить будет. Нет на Земле такой науки пока, генетики. Но вскоре появится. и названия адекватные всему подберут, и гены с хромосомами откроют...

— Хорошо, я вам верю! — воскликнул слегка обалдевший от информации, навалившейся на него, Каштымов. — Но неужто прелестная Татьяна Андреевна — бездушная марионетка?

— Она сама не знает, что андроид, но чур, ей ни слова! Автоматический человек; который узнает про встроенную в него программу, становится неуправляемым и может сломаться от раздвоения сознания. Татьяна Андреевна даже не подозревает о своей миссии. Добавлю только, это у нее не первое имя на Земле. Люди знали ее как Клеопатру, маркизу де Пампидур, знаменитую Жужу из «Фоли-бержер». Каждый раз мне приходилось переключать ее, когда дело доходило... Впрочем, это особый разговор! Одним словом, Татьяна Андреевна вряд ли подозревает, что ее нежный организм пережил не одну полную амурных приключений жизни! Она уверена, что родилась на Земле, а ее способность производить знаки человеческой алчности в результате оргазма — всего лишь флуктуация, исключение из правил! А драгоценности, — извозчик межпланетного экипажа зажмурился как кот, которому дали валерьянки, — в кожаном чемодане полковника Штейхен-Рауцера!

— Отто Ивановича?!

— Его самого. Две надели назад патруль задержал двух подозрительных. Типы выхватили наганы и шлепнули есаула, но были обезоружены, избиты до полусмерти и доставлены в подвал известного учреждения. Один отказался

говорить наотрез, а другой, по терминологии Отто Ивановича, который самолично его допрашивал, «раскололся». Задержанные оказались братьями Ряшковскими из банды Сеньки Мокруши. При обыске по месту их жительства были найдены драгоценности, которые полковник не доверил даже сейфам Крымского банка, а реквизировал в предвидении предстоящего отъезда на «Лорде Квинсберри». В данный момент чемодан с интересующими ваше начальство содержимым пребывает на частной квартире вдовы Кузовлевой, Малая Гренадерская, 16. Спешите, Алексей Дмитриевич! Охрана квартиры с двух часов ночи снята! С богом! Ждите завтра с рассветом у заставы! Я приду с Татьяной Андреевной. Надеюсь на скорое свидание!

Сокровища Патриаршей ризницы, вернее, та часть, что досталась братьям при дележе, находилась действительно в большом кофре на Малой Гренадерской. Проинструктированные Каштымовым севастопольские товарищи изъяли чемодан и переправили в надежное место.

Утро застало Алексея Дмитриевича у северной заставы. У шлагбаума, ограничивающего черту города, маялся невыспавшийся казак. Ни баронессы, ни ее спутника не было. Прождав с восхода до полудня, Алексей Дмитриевич понял, что никто не придет. Чтобы не рисковать, он принял решение дождаться красных в городе, и с этим вернулся на конспиративную квартиру. К вечеру один из товарищей принес известие, что в городе свирепствует контрразведка, задерживая прохожих по малейшему подозрению. И все-таки, несмотря на риск, Каштымову всякими правдами и неправдами удалось установить, что полковник обнаружил пропажу чемодана с «секретной документацией», поднял на ноги караульную службу и по приметам вышел на спутника баронессы. Спутник этот, будучи доставлен на допрос, таинственным образом исчез, когда за него хотели взяться, что называется, вплотную. Это повергло Отто Ивановича в неописуемый ужас, но не помешало ему препроводить несравненную Татьяну Андреевну в подвал. О чем они говорили, доподлинно не известно, но полковник проследовал на причал в казенном авто в гордом одиночестве, если не считать ординарца, согнувшегося под тяжестью остальных чемоданов с «секретными документами». Татьяна Андреевна исчезла, ровно как и ее загадочный извозчик. Может быть, и на этот раз он успел переключить ее программу, а может быть, он разъяснил полковнику то же, что и Алексею Дмитриевичу? Все может быть...

Через день в Севастополь ворвались красные конники, и Каштымову передали приказ о возвращении в город на Неве. Вернувшись, он потратил много сил, чтобы зеркало, украшавшее дом на Литейном, перешло в его пользование. В комнате Каштымова это зеркало провисело до блокады. Алексей Дмитриевич каждый вечер просиживал подле зеркала в тайной надежде, что оно подаст весточку от баронессы-андроида.

Уже во время войны, заметив отсутствие следов у двери, комендантский патруль взломал замок. Внутри никого не было. На полу валялся томик известного до революции поэта Бальмонта, покрытый сантиметровым слоем пыли, а в треснутом зеркале не было отражения окружающей обстановки. В нем мерцали звезды. Молоденький солдатик, испугавшись непонятного, нажал на спусковой крючок. Зеркало осыпалось на пол. Комнату опечатали, солдатика побранили, но не шибко.

Дело о таинственном исчезновении Каштымова Алексея Дмитриевича закрыли по причине военного времени, томик Бальмонта следователь из вещдоков перевел в категорию «вещь на память». Он несколько раз пытался прочесть лирику, но каждый раз ему попадались на глаза одни и те же строки:

...я знаю, что новые страсти придут,
с другим ты забудешься вновь,
но в памяти прежние образы ждут,
и старая тлеет любовь.
И будет мучительно-сладостный миг:
в лучах отлетевшего дня,
с другим заглянувши в бессмерный родник,
ты вздрогнешь и вспомнишь меня.

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственный за выпуск С. Петров.
Художник В. Шибаев.

Нимфа с Литейного: Фантастический рассказ.
Редакционно-издательское агентство.
Свердловск, 1990. 35 коп. 100000 экз.

Часть средств от реализации идет на финансирование программ Всероссийского фонда культуры.

Заказ 2785. НС 23435 Подписано в печать. Объем 1 печ. лист.
Верхнепышминская типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли.
624080, г. В. Пышма Свердловской области, ул. Кривоусова, 11.